

Глава вторая СУПРУЖЕСКАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Казалось, ничто не предвещало трагических событий; в семье царили мир да любовь. Петр был доволен тем, что наконец определился с наследником престола; у Екатерины было еще больше оснований для радости.

Единственное, что омрачало торжества, так это ухудшение здоровья Петра. Царь начал пользоваться минеральными водами в качестве лечебного средства еще в 1711 году, когда впервые побывал в Карлсбаде. Воды благотворно действовали на мочекаменную болезнь, которой, как считают современные медики, страдал Петр. Карлсбад он оставил здоровым; «только от воды брюхо одуло», как извещал он Екатерину.

Повторное лечение в Карлсбаде Петр предпринял в следующем году и остался доволен результатами: «воды, слава Богу, действовали изрядно». В 1716 году царь пользовался водами Пермонта, отметив, что «сия вода великова действия». В следующем году он пользовался водами Спа и настолько высоко оценил их целебные свойства, что решил «полный курс держать» и продлить пребывание там на четыре дня.

В последующие годы царь неоднократно лечился на Марциальных водах – первом открытом им курорте в России, расположенном недалеко от Петровских заводов (нынешний Петрозаводск).

Царь по-своему рекламировал полезность пребывания на курорте и пользования здешними водами. В феврале 1719 года занемог светлейший князь Меншиков. Болезнь хотя и уложила князя в постель, но не лишила его возможности заниматься делами и принимать у себя вельмож. Вернувшийся 3 марта с Марциальных вод Петр в тот же день навестил больного. В «Повседневных записках» – журнале, в котором регистрировались события из жизни Меншикова, – читаем: царь «по обычной церемонии, рассуждая о болезни его светлости, изволил объявить о неслыханном действии марциальных вод». Петр, любивший врачевать, предписал Александру Даниловичу отправиться на Марциальные воды. В представлении царя эти воды способны были поставить на ноги любого больного, в том числе и князя с больными легкими.

Меншиков поднялся с постели к 21 марта, а в июле приспело время выполнять царское повеление. Это принужденное лечение, надо полагать, вызвало в семье князя тревогу. Следы сомнений в целительных свойствах вод видны в том, что «курортник» в течение недели ехал в сопровождении всей семьи, будто подвергался тяжелейшим испытаниям. На водах князь встретил блестящее общество, маявшееся здесь по повелению царя: царицу Прасковью Федоровну, генераладмирала Апраксина, архимандрита Феодосия, князя Ивана Юрьевича Трубецкого, Григория Скорнякова-Писарева.¹

В феврале-марте 1724 года, перед самыми коронационными торжествами, царь, как отмечалось выше, лечился на Марциальных водах вместе с супругой. Можно высказать догадку, что торжества, сопровождавшиеся пиршествами и чрезмерными возлияниями, ухудшили самочувствие царя, и он отправился вновь принимать воды, на этот раз из источника, расположенного в 90 верстах от Тулы, рядом с Угодскими заводами. Ранее Петр никогда не пользовался водами дважды в году.

Из писем Петра Екатерине видно, что он остался доволен лечением. 4 июня он извещал супругу, что воду «лучше нашли, неже о ней чаяли», а три дня спустя известил о первых результатах лечения: «воды, слава Богу, действуют изрядно, а

¹ Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1988. С. 193, 194.

особливо урину гонят не меньше олонецких, только аппетит не такой, однако ж есть».² На Угодском заводе, принадлежавшем Миллеру, царь решил проверить свои навыки кузнеца. Он выковал несколько полос железа, наложил на них клеймо и, справившись о размере платы, выдаваемой заводовладельцем за подобного рода работу, тут же затребовал деньги. На них царь купил себе башмаки. Этим приобретением он очень гордился, подчеркивая, что полезная в быту вещь куплена на деньги, лично им заработанные. Через неделю он закончил курс лечения и отправился в Петербург.

Приступ болезни, казалось, должен был вынудить Петра воздержаться от привычного распорядка дня, умерить занятия делами, соблюдать диету, заставить более экономно расходовать силы. Но он не щадил себя. В конце августа присутствовал на спуске фрегата, а затем, вопреки предписаниям врачей, отправился в продолжительное путешествие. Сначала поехал в Шлиссельбург на традиционные празднества, ежегодно отмечающиеся по случаю овладения этой крепостью, затем осматривал Олонецкие металлургические заводы (здесь он выковал три пуда железа), а оттуда через Новгород поехал в Старую Руссу, древний центр солеварения. Не преминул он заглянуть и на Ладожский канал и остался доволен результатом работы руководителя строительством Миниха. В Петербург царь возвратился в начале ноября больным. Здесь произошло событие, круто изменившее семейный уклад жизни царя и обострившее течение болезни.

8 ноября 1724 года был арестован тридцатилетний красавец Виллим Иванович Монс, брат давнишней фаворитки царя Анны Монс. Его карьера началась в 1716 году, когда он получил назначение камер-юнкера при дворе Екатерины Алексеевны. В обязанности камер-юнкера входило управление вотчинами царицы, назначение приказчиков, определение на службу должностных лиц при дворе, контроль за обеспечением двора съестными припасами, а также забота об экипировке царицы – словом, обширный круг обязанностей по обеспечению двора царицы жизненными ресурсами. Кроме того, камер-юнкер должен был постоянно находиться при Екатерине: сопровождать ее в поездках как внутри страны, так и за ее пределами, заботиться об удобствах в пути, о развлечениях во время праздников, гуляний, ассамблей и т. д.

Веселый, обаятельный и влюбчивый Виллим Монс пользовался вниманием и успехом среди камер-фрау, фрейлин и прочих придворных дам, о чем свидетельствует его интимная переписка. «Здравствуй, свет мой матушка, ласточка дорогая, из всего света любимейшая», – писал он одной из поклонниц. К другой, уже завоеванной, красавице церемонности проявлялось поменьше: «Сердечное мое сокровище и ангел и купидон со стрелами, желаю веселого доброго вечера, я хотел бы знать, почему не прислала мне последнего поцелуя. Если бы я знал, что ты неверен, то я проклял бы тот час, в котором познакомился с тобой. А если ты меня хочешь ненавидеть, то покину жизнь и предам себя горькой смерти». Ловелас, как видим, был незаурядным умельцем флиртовать, сочинять любовные послания, способные вскружить голову представительницам слабого пола, умел щедро расточать комплименты возлюбленным, не скупился на клятвы в вечной верности и умело заимствовал из письмовников фразы, вызывавшие у сентиментальных читательниц умиление. Трудно было не оказаться в сетях любовника, читая такие слова: «Верь, ваша милость: правда, я иноземец, так правда и то, что я вашей милости раб и на сем свете верный тебе одной, государыне сердечной».³

² Письма русских государей... Ч. 2. С. 143, 144.

³ Семеновский М. И. Тайная служба при Петре I. С. 478–480.

Изящный ловелас, постоянно мелькавший перед глазами императрицы, не мог привлечь ее внимания и благосклонности. Однако прямыми свидетельствами того, что это внимание переросло в интимную связь, историки не располагают. В их распоряжении находятся несколько томов следственного дела, содержащего письма Монса к возлюбленным, обращенные к нему челобитные и т. д. В одной из папок должен был находиться анонимный донос, давший основание следствию вынести обвиняемому смертный приговор, но он был из папки кем-то изъят. И все же имеются хотя и косвенные, но достаточно убедительные доказательства наличия близких отношений между императрицей и ее камер-юнкером, пожалованным во время коронации в камергеры: то, что творил Монс перед носом у своей повелительницы, могло происходить только при условии, что поступки благословлялись покровительницей. Сама по себе императрица не могла удовлетворить просьбы челобитчиков и неизменно ходатайствовала о них либо перед супругом, либо перед высокопоставленными вельможами. Поражает перечень корреспондентов, обращавшихся к Виллиму Ивановичу с разнообразными проектами. Среди вельмож, пользовавшихся услугами Монса, встречаются имена первых в государстве лиц – А. Д. Меншикова, А. П. Волынского, князя Юрия Гагарина, канцлера Г. И. Головкина, Алексея и Василия Долгоруких и многих других. Донимали Монса просьбами и иноземные купцы, помещики, богатые горожане. Суть их просьб состояла в «предстательстве», то есть ходатайстве перед Екатериной Алексеевной о получении чинов, наследства, благожелательном для просителя решении суда, повышении в должности и пр. Уже сам факт обращения такой отличавшейся высокомерием персоны, как Меншиков, или спесивых представителей рода Долгоруких свидетельствует о силе влияния Монса и его способности удовлетворить их просьбу.

Помощь, оказываемая камер-юнкером, была не бескорыстной – Монс получал вознаграждения как натурой, так и деньгами. Его одаривали щедрыми подношениями: породистыми лошадьми и сбруей к ним, каретами, охотничьими собаками, дорогими мехами и сукнами, крепостными крестьянами. А. П. Волынский в 1724 году ходатайствовал о своем переводе из Астрахани в Москву и подкрепил свою просьбу подношением «изрядного мальчика», а также «от простоты своего усердия» астраханской дичи – дроф, фазанов и даже поросят. Дипломат Лев Измайлов перед отъездом в Китай обратился к Виллиму Ивановичу с просьбой о решении в его пользу судьбы спорных вотчин. Усердие Виллима Ивановича подстегивалось богатейшим по тому времени подарком – тысячью рублями. Князь Андрей Черкасский за ходатайство об освобождении от службы пожаловал Монса натурой – породистым иноходцем, материей на кафтан и т. п. Посол в Берлине Михаил Головкин через своего отца канцлера Г. И. Головкина подарил Монсу иноходца. Купчиха Герман щедро вознаградила его за предоставление ей жалованной грамоты на свободную покупку пеньки в Вологде и других городах и отпуске ее за границу через Архангельск. Другая иноземка-купчиха просила Виллима Ивановича «воспринять за благо» два куса кружев и 500 червонных. Помещик Орлов «по старой дружбе» подарил двух собак и охотника во временное пользование. Светлейший князь Меншиков, отличавшийся скупостью, все же летом 1724 года преподнес лошадь с убором, а Александр Нарышкин – две кобылы «на завод».

Подношения превратили скромного выходца из Немецкой слободы в богатейшего человека: он владел многочисленными вотчинами, построил в столице дворец, обставил его богатой мебелью.

Из 250 писем-прошений к Монсу здесь упомянута лишь небольшая толика. Но и этого довольно, чтобы сделать два вывода: во-первых, Монс далеко переходил границы своих полномочий и брался «предстательствовать» по делам, не имеющим

никакого отношения к его камер-юнкерским и камергерским обязанностям; во-вторых, им овладело чувство безнаказанности, уверенности в том, что все сойдет ему с рук, что его всегда защитит покровительница. Это чувство ярче всего иллюстрирует колоссальное подношение от самой царевны Прасковьи Ивановны, отличавшейся сварливым нравом и жестокостью, – от нее он не убоился получить вотчину, населенную 1500 мужскими душами.

Вымогал взятки не только Виллим Иванович, но и его сестра Матрена Ивановна, вдова генерала Балка. Сама Матрена Балк, любимица императрицы, далеко не всегда могла удовлетворить просьбы обращавшихся к ней лиц, но она действовала через брата. В числе клиентов Матрены Ивановны значились лица из самой разной социальной среды: купцы, князья и княжны, дипломаты и губернаторы. Матрена Ивановна, как и ее братец, оказывала услуги за вознаграждение, правда, менее значительное, чем Виллим Иванович. Упомянувшийся выше посол в Китае Лев Измайлов подарил Матрене три косяка камки (дешевая китайская ткань) и 10 фунтов чая, канцлер Головкин – 20 возов сена, герцог Голштинский – два флеровых платка, шитых золотом, и в придачу – ленту, князь Меншиков – небольшой перстень алмазный и 50 четвертей муки.

В пользу гипотезы об интимных отношениях между Екатериной и Монсом свидетельствует и поведение Петра во время следствия.

Современников удивил арест Монса. Камер-юнкер Берхгольц записал в дневнике: «Сегодня нам сообщили по секрету странное известие, именно, что вчера вечером камергер (Монс. – *Н. П.*) по возвращении своем домой был взят генералом и майором гвардии Ушаковым и посажен под арест в доме последнего... Это арестование камергера Монса тем более поразило всех своей неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени никакой немилости. В чем он обвиняется, покажет время, между тем сестра его генеральша Балк, говорят, с горя легла в постель».⁴

Момент ареста Монса запечатлен и в депеше саксонского посла Лефорта: «Некоторое время спустя после ужина царь велел Монсу посмотреть на часы.

– Десятый час, – сказал камергер.

– Ну, время разойтись, – заявил царь и отправился в свою комнату. Неожиданно в покои, где готовился камергер ко сну, зашел А. И. Ушаков и объявил о его аресте, взял у него шпагу, ключи, опечатал все бумаги и отвез арестанта к себе на квартиру, где его ждал император.

– А, и ты тут, – заявил Петр, но не стал его допрашивать. В понедельник, 9 ноября, царю, не скрывавшему гнева, ввели Монса. Во взгляде Петра было столько раздражительности и презрения, что Монс, не выдержав сурового взгляда, упал в обморок».

Вряд ли бы царь вел себя подобным образом, если бы вина Монса состояла только в использовании им служебного положения в корыстных целях. Взятки в те времена, за редким исключением, брали все, в том числе и взяткодатели, приносившие подарки Монсу: Меншиков, Долгорукие, Волынский и другие. Это было настолько обыденное явление, что хотя его формально и почитали злом, но относились к нему снисходительно, ибо у каждого судьи рыльце было в пушку.

Кажется несомненным, что царя обуревала жестокая ревность. Сам факт внешне спокойного разговора с Монсом, во время которого царь как бы присматривался к сопернику, пытался отгадать, чем мог привлечь этот пустой человек его «Катеринушку», и то, что затем он оставил арестованного на ночь

⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник. Ч. 2. С. 72.

терзаться в догадках, похоже на поведение царя в ситуации, когда жертву надо было ошеломить неожиданным поступком. Вот как со слов фрейлины описал сцену ревности императора Франц Вильбуа: «Он имел такой ужасный, такой угрожающий вид, был настолько вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен, как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, пребывали в конвульсиях... Раз двадцать он вынимал и прятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса, и ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось... страшными гримасами и судорогами... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он стукнул дверью с такой силой, что разбил ее».

Другой современник, граф Г. Ф. Бассевич, отметил менее драматичное поведение царя. Императрица будто бы «пыталась смягчить гнев своего супруга. Рассказывают, что неотступные ее просьбы о пощаде, по крайней мере, ее любимицы (М. И. Балк. – *Н. П.*) вывели из терпения императора, который, находясь в это время у окна из венецианского стекла, сказал ей: „Видишь ли ты это стекло, которое прежде было ничтожным материалом, а теперь, облагороженное огнем, стало украшением дворца? Достаточно одного удара моей руки, чтобы обратить его в прежнее ничтожество“. И с этими словами он разбил его. „Но неужели разрушение это, – сказала она ему со вздохом, – есть подвиг, достойный вас, и стал ли от этого дворец ваш красивее?“ Император обнял ее и удалился».⁵

Свидетельство третьего современника, саксонского дипломата Лефорта, во многом схоже со свидетельством графа Бассевича – видимо, оба пользовались одним и тем же источником информации. Но у Лефорта есть подробности, отсутствующие у Бассевича. В депеше от 17 ноября 1724 года саксонский дипломат докладывает о просьбе Екатерины простить Монса, на что царь резко ответил, чтобы она «раз и навсегда... в это не вмешивалась».⁶ Главное же отличие обнаруживается в депешах, отправленных 13 декабря 1724 года и 12 января 1725 года, то есть после трагедии, постигшей Монса и Балк, когда Лефорт получил возможность собрать более точные сведения. В депеше от 13 декабря Лефорт сообщал: «Они (император и императрица. – *Н. П.*) почти что не говорят друг с другом, вместе не обедают, не спят. Счастью их пришел конец». В следующей депеше от 12 января 1725 года: «16 числа (по новому стилю. – *Н. П.*) пополудни царица явилась к царю, пала перед ним на колени и просила прощения в своих проступках. Разговор у них продолжался около трех часов. Они читали различные статьи, ужинали, а затем разошлись». После того как Екатерина признала свою вину, обстановка в семье, по мнению Лефорта, изменилась к лучшему.

О крайне натянутых отношениях между супругами доносил и австрийский посол Рабутин. В хранящейся в Венском архиве записке неизвестного автора, видимо, использовавшего донесения Рабутина, сообщается, что Петр в ноябре 1724 года велел «не слушать приказаний Екатерины, что он в это время возобновил свои прежние интимные отношения с дочерью Кантемира (Марией Кантемир, дочерью молдавского господаря. – *Н. П.*). Его раздражение против Екатерины, – продолжал аноним, – усилилось после того, как ему сообщили о попытке императрицы отравить дочь Кантемира. Все ожидали страшной развязки: царь не имел более никаких отношений с Екатериной и не переставал смотреть на нее с крайним негодованием, никто не смел более Петру говорить о Екатерине. На лицах Петра и Екатерины

⁵ Бассевич Г. Ф. Указ. соч. С. 169, 170.

⁶ Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 391.

выражалось постоянно сильнейшее волнение».⁷

Приведенные свидетельства современников о семейной драме, как видим, не слишком схожи между собой. Но никто из них, кроме одного Вильбуа, прямо не сообщает о супружеской неверности Екатерины. Граф Бассевич придерживался официальной версии описания случившегося, Лефорт писал о «вине» императрицы, но уклонялся от объяснения, в чем она состояла: в покровительстве Монсу или в супружеской неверности. Скорее всего, Лефорт был склонен видеть вину супруги в злоупотреблениях Монса, ибо невозможно представить, чтобы супруга просила у царя пощады для своего любовника.

Вильбуа же прямо пишет об измене императрицы. По его словам, «эта интрига протекала так неосторожно, что в какой-то момент царица могла бы быть низвергнута с вершины величия в пропасть самого трагического бесчестия». Тем, что Екатерина все же «отделалась лишь страхом», она, как считал Вильбуа, была обязана двум министрам двора – графу Толстому и графу Остерману. «Царь при первых же бесспорных доказательствах неверности его жены хотел учинить над нею суд в Сенате, чтобы устроить ей публичную казнь, – пишет Вильбуа. – Когда же он сказал о своем намерении графам Толстому и Остерману, оба они кинулись к его ногам, чтобы заставить его отказаться от этого... Это им удалось лишь потому, что они затронули вопрос о его двух дочерях от этой женщины, к которым он питал большую нежность. В то время шли переговоры об их замужестве с европейскими государями, которые, конечно, не захотели бы на них жениться после такого скандала».

Итак, в семье произошел громкий скандал, но Петр решил не выносить сор из избы. Ход следствия, как и приговор суда еще раз подтверждают, что причиной семейной драмы было не взяточничество Монса, а измена Екатерины. Во время непривычно скоротечного следствия не прибегали ни к очным ставкам, ни к пыткам, а довольствовались признанием вины самим Монсом. Ни в материалах следствия, ни в приговоре не упоминается имя Екатерины, хотя ее причастность к делу не подлежит сомнению. Даже если принять официальную версию вины Монса, то совершенные им преступления происходили под крылышком императрицы – крючкотворы того времени нашли бы множество способов доказать, что Монс злоупотреблял доверием Екатерины, что она даже не подозревала о том, к каким правонарушениям это приводило. Приговор обелял не только Екатерину, но и вельмож, выступавших взятодателями: в приговоре отсутствуют имена Меншикова, Головкина, Измайлова, Волынского и многих других.

Приговор Монсу включал лишь три вины: получение от царицы Прасковьи Ивановны колоссальной взятки крестьянами, запрещение именем императрицы истязать прокурора воронежского надворного суда Кутузова и получение взятки в сумме 400 рублей от посадского человека Соленникова за пожалование его стременным конюхом Екатерины. Суд приговорил Монса к смертной казни. Петр наложил резолюцию: «Учинить по приговору».

Поведение царя в эти недели свидетельствует об утрате им спокойствия, веры в верность «Катеринушки». Его психике был нанесен жестокий удар, вызвавший надлом, и он, зная о категорическом запрещении употреблять спиртное, о чем будет сказано ниже, пустился в пьяный загул.

В день казни, состоявшейся через неделю после ареста, 15 ноября 1724 года, Петр будто бы посетил Монса, сказав ему: «Мне очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не может». Берхгольц сообщил, что на другой день после казни император «катался с супругой, проехав очень близко от столба, к которому пригвождена была

⁷ Брикнер А. Императрица Екатерина I // Вестник Европы. СПб., 1894. С 126.

голова Монса». Более подробно эту сцену описал Вильбуа: «...через 10 или 12 дней после казни... ей (Екатерине. – *Н. П.*) показали тело ее любовника и его голову, посаженную на кол посреди площади». Царь повез Екатерину в саних и «заставил ее пересечь эту площадь по диагонали, чтобы перед ней предстало все это ужасное зрелище с эшафотом... Все время, пока они пересекали площадь, он пристально и злобно следил за ней. Но у нее хватило твердости сдержать слезы и не проявить никакого волнения».⁸

Стоит, пожалуй, напомнить, что сам Петр отнюдь не считал себя обязанным хранить супружескую верность, и Екатерина не только не выражала протеста, но и сама обеспечивала его «метресишками» для «домашних забав». 25 мая 1717 года супруга отправила письмо Петру за границу: «Також хотя и есть, чаю, у вас новые портомой, однакож и старая не забывает». 3 июля 1717 года: «Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержания... и тому я верю; однако ж больше мню, что вы оную изволили отпустить за ее болезнью».⁹ В письмах супругов эта тема обычно подавалась в шутовском тоне. «А что шутить о забавах, и того нет у нас, понеже мы люди старые и не таковские». Или: «Понеже во время питья вод домашней забавы доктора употреблять запрещают, того ради я метресу свою отпустил к вам».

Отношение Петра к мимолетным связям отметил его токарь А. К. Нартов: «При всех трудах и заботах государственных, государь иногда любил побеседовать и с красавицей, только не более получаса. Правда, любил его величество женский пол, однако ж страстью ни к какой женщине не прилеплялся и утушал любовный пламень скоро, говоря: „Солдату утопать в роскоши не надлежит. Забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне. У неприятеля скорая может быть свобода, а у женщины и оковы долговременны“».¹⁰

Наблюдение Нартова о том, что «любил его величество женский пол», подтвердил граф Бассевич, поведавший в своих «Записках» о том, что царь сам рассказывал супруге о подробностях своих интимных свиданий с дамами. Уверенная в привязанности к себе царя, та смеялась, выслушивая его рассказы, обычно завершавшиеся словами: «Ничто не может сравниться с тобою». К слову сказать, быть может, именно эта фраза и объясняет причину удивительной привязанности Петра к своей супруге...

* * *

Дело Монса имело два важнейших последствия: оно ускорило кончину Петра и оставило страну без завещания о наследнике.

Обстоятельства смерти Петра, как и всякого великого человека, связаны со множеством легенд. Одни из них возникли по горячим следам события, другие – плод вымысла падких до сенсации современных журналистов.

Начнем с того, что три события, о которых шла речь в этой главе, составили, по мнению автора настоящих страниц, единую цепь: речь идет о супружеской измене, употреблении царем горячительных напитков и отсутствии завещания Петра.

О том, что врачи категорически запрещали царю употреблять спиртное во

⁸ Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе. С. 151.

⁹ Письма русских государей... Ч. 2. С. 163, 166.

¹⁰ Рассказы Нартова о Петре Великом // Русский архив. 1865. С. 196.

время обострения аденомы и пользования водами, известно давно. В частности, его поездка на Угодские заводы через несколько месяцев после того, как он лечился марциальными водами, видимо, являлась следствием коронационных торжеств в мае 1724 года. Так случилось, что обострение болезни совпало с делом Монса и несколькими празднествами в декабре 1724 года, сопровождавшимися чрезмерными возлияниями. Вполне допустимо, что Петр заливал вином горе, причиненное ему супружеской изменой. Для этого были веские основания. Петр несколько десятилетий пытался вылепить из «Катеринушки» императрицу, и вдруг оказалось, что труды пошли прахом – любимая супруга, «верная помощница», как названа она в Манифесте, не выдержала испытания.

На конец декабря – начало января выпали два больших праздника: Рождество Христово и Новый год. 19 декабря посол Франции Кампредон доложил: царь «без перерыва разъезжает себе по наиболее именитым домам в сопровождении двухсот персон с певчими, которые распевают на разные лады и угощаются на счет посещаемых лиц». Речь здесь идет о традиционных вылазках всепьянейшего собора с участием царя, сопровождавшихся беспробудным пьянством. Тот же Кампредон извещал Версальский двор: «Царь обыкновенно не хочет и слушать ни о чем, кроме развлечений и прогулок».

1 января 1725 года в Версале прочли еще одно донесение посла из Петербурга. На этот раз происходило избрание нового князя-папы всепьянейшего собора вместо скончавшегося Ивана Ромодановского: «Вся прошлая неделя посвящена была избранию нового потешного папы, причем соблюдались почти все церемонии конклава, в котором царь пробыл всю ночь с пятницы на субботу. В воскресенье папу возили по улицам, а на маскараде, приготавливаемом к последним дням масленицы, он явится главой шутов». ¹¹

Саксонский дипломат Лефорт в донесении, составленном 30 января, то есть уже после смерти Петра, ставил попойки, бывшие при избрании князя-папы, в прямую связь «с открытием язвы в мочевом пузыре». Впрочем, Лефорт не в первый раз отмечал невоздержанность царя: еще 22 августа 1724 года он доносил о наступившей болезни после очередной попойки: «Царь шестой день не выходит из комнаты и очень нездоров от кутежа, случившегося в царской мызе во время закладки церкви, причем было выпито три тысячи бутылок вина». В другом донесении (12 января 1725 года) Лефорт не связывает попойку царя с каким-либо событием, а сообщает об этом в общей форме: царь «нисколько не умерен в напитках и никогда почти не сидит дома». ¹²

Итак, образ жизни Петра способствовал резкому ухудшению его здоровья. Первое обострение болезни наступило в августе 1724 года. Тогда царь до конца не выздоровел и вопреки совету своего лейб-медика Блюментроста отправился в дальнейшее путешествие. С возвращением из него связан один из мифов о причинах болезни и смерти Петра.

В одном из анекдотов Я. Штелин рассказал о том, как Петр спасал солдат, женщин и детей, оказавшихся на плоту, который сел на мель у Лахты: при этом царь будто бы вынужден был погружаться в студеною ноябрьскую воду. Этот анекдот – чистый вымысел Штелина или рассказчика, со слов которого он его записал. Во-первых, если бы описанный им эпизод действительно имел место, то такой почитатель и панегирист Петра Великого, как Феофан Прокопович, несомненно, упомянул бы о нем в слове, произнесенном при погребении императора, и в

¹¹ Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 386, 379, 406.

¹² Сб. РИО. Т. 3. С. 382, 397.

брошюре, описывавшей обстоятельства его кончины, дабы еще одним штрихом дополнить портрет великого монарха, который, будучи больным, пожертвовал своей жизнью ради спасения подданных. Во-вторых, и это главное, историки располагают достоверными источниками, которые свидетельствуют о прямо противоположном: не Петр спасал кого-либо, а сам он нуждался в спасении. Речь идет о «Походном журнале» царя за 1724 год и дневнике камер-юнкера Берхгольца.

Петр возвратился из поездки в Старую Руссу в Петербург 27 октября. Если Штелин «уложил» Петра в постель на четыре месяца, то из дневника Берхгольца, «Походного журнала» и депеш иностранных дипломатов следует, что Петр в течение этого времени участвовал в избрании князя-папы, вылазках всепьянейшего собора, в богослужениях и т. д. Запись Берхгольца под 1 ноября проливает свет на истоки легенды, изложенной Штелиным: «После обеда император благополучно возвратился в С.-Петербург, но накануне на обратном пути из Лубков он подвергнулся на воде большой опасности во время свирепейшей большой бури, и одно из его судов погибло, так что с него только два человека успели спастись вплавь. Его величество принужден был держаться со своей яхтой на двух якорях, и всем находившимся на ней приходилось жутко».¹³ Об участии Петра в спасении тонущих не сказано ни слова.

Опровержение анекдота Штелина не заслуживало бы внимания, если бы в эту легенду не поверил такой маститый историк, как Сергей Михайлович Соловьев, изложивший ее на страницах своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен». С легкой руки С. М. Соловьева миф как исторический факт стал путешествовать по страницам исследовательской и учебной литературы дореволюционной поры.

Течение болезни Петра можно восстановить, пользуясь донесениями иностранных дипломатов, зорко следившими за событиями, происходившими во дворце. Второй приступ болезни, значительно более сильный, чем первый, отмечен саксонским дипломатом Лефортом в донесении от 12 января 1725 года: «Сегодня уже десятый день, как царь болен. Страдания возобновились в связи с трудным мочеиспусканием». Состояние Петра описал французский посол Кампредон в депеше, отправленной в этот же день: болезнь царя лишает его возможности «заниматься делами. Он был очень болен. Третьего дня на всякий случай исповедовался и причастился, ибо и сам не думал оправиться от такой страшно мучившей его боли, от которой он очень ослабел... Зная, как мало монарх бережется, коль скоро здоровье его сколько-нибудь поправляется, наиболее испытанные из состоящих при его особе врачей опасаются, как бы с ним не случилось какого-нибудь острого припадка, который убьет его в самое короткое время».¹⁴

Последние дни царя описал Лефорт. По его словам, знаменитый хирург Горн, пятнадцать лет служивший в госпиталях Франции, считал, что причиной болезни является не камень, закрывавший выход мочи (мнение других специалистов), а «едкая материя, разъедавшая мочевой пузырь и закрывавшая выход жидкости. Воспаление вызвало антонов огонь, и было уже поздно делать надрезы, которые могли раньше спасти жизнь царя. 27 января, – продолжает Лефорт, – антонов огонь усилился, царь находился в бреду и скончался в ночь с 27 на 28 января между четырьмя и пятью часами утра».¹⁵ В суждениях Горна имеется по крайней мере

¹³ Берхголец Ф. В. Дневник. Ч. 2. С. 71.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 52. С. 392.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 3. С. 398, 399.

один серьезный изъян: следствие выдано за причину, то есть не сообщается, каким образом появилась «едкая жидкость», разъедавшая мочевого пузырь и вызвавшая антонов огонь.

Третья версия причины смерти Петра была по секрету сообщена итальянским врачом Азарини дипломату Кампредону. По мнению Азарини, приступ являлся следствием плохо вылеченного сифилиса. Итальянец уверял Кампредона, «что крепкий организм царя вполне победит болезнь, если только монарх будет следовать его советам».

Из историков версию Азарини приняли только два автора: сочинитель полубульварных книг об интимной жизни русских монархов Казимир Валишевский и известный фальсификатор истории, превративший историю в «политику, опрокинутую в прошлое», М. Н. Покровский. Первый в своей книге «Петр Великий» писал: «8 сентября 1724 года диагноз болезни выяснился окончательно: это был песок в моче, осложненный возвратом плохо залеченного венерического заболевания». В этом тексте допущена ошибка: о венерическом заболевании речь зашла не 8 сентября 1724 года, а 19 января 1725 года. Валишевскому вторит и М. Н. Покровский: «Смерть преобразователя была достойным финалом этого пира во время чумы. Петр умер, как известно, от последствий сифилиса, полученного, по всей вероятности, в Голландии и плохо вылеченного тогдашними врачами».¹⁶

Вопреки прогнозам Азарини, в субботу 23 января состояние больного значительно ухудшилось, задержание мочи сопровождалось сильными болями. Часть урины удалось извлечь при помощи зонда, и 26 января царь почувствовал улучшение. Утром попросил есть, но, едва проглотив немного овсяной каши, подвергся сильному припадку и лихорадке, «от которых он не мог говорить, и оставался в бесчувственном состоянии до полудня». Придя в сознание, он велел освободить 400 заключенных.¹⁷ Скончался Петр, как уже сказано, в ночь на 28 января, в страшных мучениях. Современник записал: от боли он несколько дней непрерывно кричал, и тот крик далеко был слышен; затем, ослабев, глухо стонал. Екатерина во время болезни Петра ни на шаг не отходила от его постели.

Какая из перечисленных выше версий смертельной болезни царя является наиболее вероятной? Историк на этот вопрос ответить не может, ибо не располагает необходимыми данными. Остается обратиться за помощью к специалистам-медикам. Хотя пациент умер более двух с половиной веков назад, течение болезни и ее симптомы описаны довольно обстоятельно.

В 1970 году автор этого сочинения, сняв копии из известных в настоящее время источников о болезни и смерти царя, отправил их от имени Института истории на экспертизу в Центральный кожно-венерологический институт Академии медицинских наук. Авторитетная комиссия в составе профессора А. А. Студницкого, Н. С. Семенова, доктора медицинских наук Васильева пришла к следующему заключению: «Петр I, по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы или мочевого пузыря или мочекаменной болезнью». Это заключение, хранящееся в личном архиве автора, впервые было опубликовано в 1990 году в монографии «Петр Великий».

В том же 1990 году специалисты Военно-медицинской академии имени Кирова в Ленинграде тоже пришли к заключению, что причиной смерти царя являлись либо аденома простаты, приводящая в своей заключительной стадии к задержанию

¹⁶ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 3. М., 1914. С. 203.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 52. С. 420, 421.

мочеиспускания и развитию уремии, либо развившееся вследствие воспалительного процесса в уритрее нарушение ее структуры.¹⁸

Существуют и другие версии причин смерти Петра. Но на них нет смысла останавливаться особо ввиду их полной несостоятельности. Так, известный писатель и киносценарист Юлиан Семенов попытался изобразить виновниками смерти царя англичан, якобы отравивших его. Среди обывателей имеет хождение версия, столь же далекая от истины, как и версия Семенова, о том, что Петра будто бы отравили Екатерина и Меншиков.

Еще одна, не менее романтическая легенда связана со смертью Петра. Речь идет о написании им предсмертной записки со словами: «Отдайте все...». Эти загадочные слова будоражат воображение – заманчиво завершить ими царствование Петра Великого или представить их в качестве своего рода эпитафии к новому царствованию или даже целой эпохе, получившей название эпохи дворцовых переворотов.

Первым, кто придал особое значение этим словам, был Вольтер. От него они попали на страницы тридцатитомных «Деяний императора Петра Великого...» историка-самоучки XVIII века Ивана Ивановича Голикова. Увековечил же их С. М. Соловьев.

Упомянутую фразу запечатлел в своих мемуарах граф Г. Ф. Бассевич – министр герцога Голштинского, жениха, а затем супруга дочери Петра Великого Анны. Бассевич владел бойким пером и еще более бойким характером; он провел в России пять лет и оставил сочинение под обычным для XVIII столетия витиеватым названием: «Пояснение многих событий, относящихся к царствованию Петра Великого, извлеченных в 1761 году по желанию одного ученого из бумаг покойного графа Генина Фредерика Бассевича, тайного советника их императорских величеств Римского и Российского, Андреевского кавалера». Источник был передан издателю секретарем прусского посольства в Петербурге Фоккеродтом.

Кончина Петра в записках Бассевича описана так: «Очень скоро после праздника Св. Крещения 1725 года император почувствовал припадки болезни, окончившейся его смертью. Все были далеки от мысли считать ее смертельной, но заблуждались; это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился Св. Тайн по обряду, предписываемому для больных греческой церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина.

Страшный жар держал его почти в постоянном бреду, наконец в одну из тех минут, когда смерть перед окончательным ударом дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать, но его отяжелевшая рука чертила буквы, которые невозможно было разобрать, и после смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: „Отдайте все...“

Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему Принцессу Анну, которой хотел диктовать. За ней бегут, она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил еще 36 часов».¹⁹

«Записки» Бассевича – единственный источник, содержащий сведения о вызове дочери Анны и о написанных императором словах. Вольтер воспользовался этим

¹⁸ Яковлев Т. М., Аникин И. Л., Трухачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57–60.

¹⁹ Бассевич Т. Ф. Указ. соч. С. 172.

текстом, существенно изменив его. Автор «Записок» многословен и склонен к нагнетанию драматизма, Вольтер лаконичен и строг. Однако насколько вообще можно доверять этому известию?

Голландский резидент Де Вилде решительно отвергает существование какого-нибудь предсмертного распоряжения Петра: «При жизни царь не сделал никакого завещания ни устного, ни письменного; в течение же своей последней болезни он был слаб и слишком страдал, чтобы царица осмелилась заговорить с ним об этом». Французский дипломат Кампредон подтвердил показания Де Вилде: «О завещании ему не напоминали, отчасти, может быть, из боязни обескуражить его этим как предвещанием близкой кончины, а может быть, потому, что царица и ее друзья, зная и без того желание умирающего монарха, опасались, как бы слабость духа, подавленного бременем страшных страданий, не побудила его изменить как-нибудь свои прежние намерения». Все прочие современники смерти Петра – камер-юнкер Берхгольц, Феофан Прокопович, А. К. Нартов – также не запечатлели ни слов «отдайте все», ни вызова Анны Петровны. Лишь саксонский дипломат Лефорт написал в депеше 30 января 1725 года: ночью 28 января царь находился в бреду. «Он встал из своей постели, прошел три комнаты, жалуясь, что окно было не хорошо пригнано. После такого волнения силы его начали упадать. Ночью ему захотелось что-нибудь написать. Он взял перо, написал несколько слов, но их нельзя было разобрать».

Итак, никто из современников, кроме Бассевича, не заметил вызова царем Анны. О написании Петром каких-то слов упоминают Бассевич и Лефорт, но удивительное дело – только Бассевичу удалось разобрать два из них. Это нетрудно объяснить, если прочитав разобранные Бассевичем слова в контексте его «Записок». Под пером Бассевича Анна Петровна предстает неким идеалом; вместе с женихом она пользуется любовью и благосклонностью царя, ибо обладает всеми существующими на свете добродетелями – от привлекательной внешности до душевных качеств: у нее проницательный ум, неподдельные простота и добродушие, снисходительность, отличная образованность, превосходное знание языков; кроме отечественного, она знает французский, немецкий, итальянский и шведский. Хвалебные слова в ее адрес Бассевич завершил фразой: «В руки этой-то принцессы желал Петр Великий передать скипетр после себя и своей супруги».

В другом месте «Записок» Бассевич уточняет намерение царя, сомневавшегося в возможности Екатерины занять престол и поэтому приобщавшего к управлению страной дочь Анну и герцога Голштинского: «Чувствуя упадок сил и не вполне уверенный, что после его смерти воля его и коронование будут настолько уважены, что скипетр перейдет в руки иностранки, стоявшей посреди стольких особ царской крови, он начал посвящать принцессу Анну и герцога тотчас после их обручения во все подробности управления государством и системы, которой держался во все свое царствование».

Ход рассуждений Бассевича предельно ясен: не прочитанная им до конца фраза должна завершаться словом «Анна». Именно прочтение: «Отдайте все Анне» должно было быть приведено автором «Записок». Но благоразумие одолело авантюристический склад его характера, и он не рискнул дописать фразу и тем самым довести фальсификацию до конца. Удержали руку Бассевича веские причины. Его позиция была не до конца определенной. С одной стороны, известно, что он примыкал к «партии», поддерживающей вступление на престол Екатерины; с другой – иметь жену герцога на троне было для него предпочтительнее, чем тещу; с третьей – поддержать кандидатуру Анны означало поссориться с Екатериной, что могло разрушить все матримониальные планы сторон. Такова, на наш взгляд, подоплека не доведенной до конца фальсификации Бассевича.